

Прекратившийся, казалось, снег к вечеру снова начал падать.

Ночь после снегопада была очень ясной. Небольшого источника света было достаточно, чтобы весь снег засиял, словно на рассвете. Даже без уличного освещения можно было разглядеть каждое здание у дороги и каждый предмет перед домом.

Чтобы наверстать упущенное, съемочная группа работала до раннего утра. В деревне царили шум и суета, и Лин Чэнь, конечно же, не мог уснуть. Сотовая связь была нестабильной, ни один сайт не открывался, а сообщения в WeChat не уходили часами.

Если бы не Сяо Чайчай-вань, Лин Чэнь бы просто умер со скуки.

Он взял горсть дынных семечек, взял одну семечку для себя, другую для хомяка, потом снова одну для себя, одну для хомяка... Один раз Сяо Чайчай-вань не поймал брошенную ему семечку, его короткие лапки соскользнули, и он чуть не свалился с кровати. Лин Чэнь испугался, бросился на помощь хомяку и спас его от героической гибели.

- Ха...

Лин Чэнь растянулся на кровати, подперев подбородок рукой, и наблюдал за хомяком, который ловко прятал семечки за щеки, набивая их до отказа. Он не удержался и ткнул его пальцем в голову, превратив из хомячьего шарика в картофельную оладью.

У Сяо Чайчай-ваня был очень хороший характер: даже когда над ним так издевались, он ни разу не пискнул, а продолжал спокойно грызть семечки.

Лин Чэнь вздохнул:

- Наконец-то я понял, почему Великий шаман завел питомца. Оказывается, они действительно помогают развеять скуку.

Хэ Цзиньчжао моргнул:

- Я тоже могу развеять скуку, почему же ты не развлекаешься со мной?

Лин Чэнь швырнул в него шелухой:

- Катись!

Хотя они были знакомы уже давно, Лин Чэнь все еще не привык к тому, что Хэ Цзиньчжао с таким красивым лицом говорит такие бесстыдные вещи.

За окном дул холодный ветер, а трое членов семьи закрылись в доме и болтали. Внезапно с улицы донесся шум - судя по звукам, съемочная группа наконец закончила работу.

Взгляд Хэ Цзиньчжао стал серьезным. Он поднялся и поплыл к выходу.

Лин Чэнь, натянув на себя одеяло, сел на кровати:

- Ты куда?

Хэ Цзиньчжао ответил:

- После съемок актеры расходятся по домам. Все наиболее эмоционально уязвимы и именно в это время распространяются сплетни и жалобы.

Он хотел послушать, какие еще грязные секреты есть у этой съемочной группы.

- Давай, - Лин Чэнь не беспокоился о его безопасности. Хэ Цзиньчжао - призрак, он появляется и исчезает, его нельзя ни увидеть, ни потрогать. Лин Чэнь сонно зевнул: - Иди подслушивай, а мы с Сяо Чайчай-ванем пойдем спать.

Сказав это, Лин Чэнь поднял хомяка и положил его в импровизированное гнездо из полотенца у подушки, а сам снова рухнул на кровать. В комнате не было ни отопления, ни электроматраса, поэтому Лин Чэнь закутался в одеяло с головой, оставив снаружи только макушку. Он выглядел так, будто его проглотил одеяльный монстр.

Хэ Цзиньчжао посмотрел на одеяльного монстра:

- Тогда я пойду.

- Подожди, - из одеяльного монстра донесся человеческий голос.

- ?

Одеяльный монстр несколько раз пошевелился, затем показалась пара черных глаз:

- Не забудь выключить свет.

Хэ Цзиньчжао улыбнулся, махнул рукой, и несколько ламп в комнате одновременно погасли, погрузив всю комнату во мрак. Одеяльный монстр удовлетворенно вздохнул и, поворочавшись, уснул.

Перед выходом Хэ Цзиньчжао специально запер дверь комнаты Лин Чэня на замок. Подумав немного, он решил, что даже так ему беспокойно, и подпер дверь стулом. В любом случае, он мог проходить сквозь стены, поэтому заблокировать все двери и окна было самым безопасным решением.

Между ним и Лин Чэнем была «связь», и они не могли находиться слишком далеко друг от друга. К счастью, дома, выделенные съемочной группой для сотрудников, были сосредоточены в одном месте, что облегчало Хэ Цзиньчжао задачу.

В этой съемочной группе было более ста человек, и, обойдя все дома, Хэ Цзиньчжао обнаружил, что подавляющее большинство сотрудников жили в четырехместных комнатах с двухъярусными кроватями, только главные актеры и режиссер могли позволить себе одноместное размещение, даже сценарист вынужден был тесниться в двухместном номере вместе с руководителем группы каскадеров.

Судя по всему, причина, по которой Лин Чэнь получил отдельное проживание, была весьма интересной: с одной стороны, профессия Лин Чэня была особенной, и другие боялись жить вместе с ним, с другой стороны, съемочная группа сознательно или бессознательно отделила его, отрезав от общения с другими сотрудниками и оставив его в изоляции в этой глухой деревне.

Хэ Цзиньчжао сначала заглянул в реквизитную и костюмерную группы. Все были смертельно уставшие, но, несмотря на это, с трудом готовились к завтрашним съемкам, и в разговорах слышались только жалобы на огромный объем работы.

Он развернулся и направился к группе каскадеров. Там царил гнетущая атмосфера: все собрались вместе, пили и курили, в общежитии стоял душливый запах.

Кто-то не выдержал и достал из-под подушки карточную колоду. Почесав затылок, этот человек предложил:

- Давайте сыграем пару партий, чтобы расслабиться? Поиграем на мелочь.

Но едва он достал карты, как его остановил другой каскадер.

- Ты, чтоб тебя! Еще не прошел семидневный срок траура Лао Ли, разве сейчас время играть в карты?

- Прошло семь дней или нет, какая разница? Он же не за игрой умер!

- Лао Ли так боялся смерти, что перед каждым подъемом на тросах тщательно все проверял. Если бы ты не затащил его тем вечером играть в карты на всю ночь, он не был бы не выспавшимся перед съемками и его не бы колотило от усталости, тогда он бы не...

- Херня собачья! Что значит, я заставил его играть в карты всю ночь? Ты что, думаешь, я его убил?

- Я не это имел в виду!

- А мне кажется, ты именно это и имел в виду!

Большинство каскадеров имеют вспыльчивый характер, и при малейшем разногласии начинают громко ругаться, чуть ли не доходя до драки. Увидев ситуацию, другие каскадеры попытались их разнять, но в результате по непонятной причине сами получили по удару и вступили в драку, и первоначальная ссора двух человек превратилась в массовую потасовку.

В этот момент страх и гнев, таившиеся в сердцах всех присутствующих, разгорелись с новой силой, и в ходе драки пачка длинных игральных карт, которую мужчина крепко сжимал в руке, рассыпалась по полу.

Эти карты отличались от обычных игральных карт: на них были не масти и цифры, а более сложные символы и узоры, обозначающие «небесные», «земные» и «человеческие» карты. Поскольку эти бумажные карты постоянно трогали руками, пропитанными табачным дымом, они пожелтели, стали тусклыми и грязными.

Никто не знал, что, пока эта группа каскадеров грызлась, как бродячие псы, рядом с ними стояла полупрозрачная фигура, пристально наблюдающая за их уродливым поведением.

Хэ Цзиньчжао тихо слушал, его веки слегка дрогнули, затем он повернулся и поплыл в следующую комнату.

Дом в конце длинной улицы принадлежал съемочной группе.

Оператор тихо спросил осветителя, с которым работал над многими фильмами:

- Брат, у тебя есть деньги?... Твоя невестка скоро родит, а она обожает сравнивать себя с другими. Увидела, что ее подруга лежит в послеродовом центре за двести тысяч в месяц, и теперь настаивает, что тоже хочет туда попасть... Ты спрашиваешь про мою заначку? Э-э, а, фондовый рынок... Да, да, да, именно фондовый рынок! В последнее время на фондовом рынке не все гладко... Как только я выйду в плюс, обязательно верну тебе!

Хэ Цзиньчжао вышел из этой комнаты и направился в следующую.

Главный герой, актер Е Чжэнъи, не обращая внимания на холодный ветер, вытянул руку за окно и поднял телефон, непрерывно обновляя страницу. Помощник тихо напомнил ему:

- Гэ, сейчас горы занесены снегом, связи нет... Агент сказал, что гонорар уже перечислен на ваш счет, как только появится сигнал, вы его увидите...

Хэ Цзиньчжао, не отвлекаясь, продолжил свой путь к комнате режиссера.

- Как это на счете может не быть денег? - Режиссер выкуривал одну сигарету за другой. Он поднял глаза на главного продюсера, его глаза были красными от ярости. - Да, съемочная группа действительно не работала несколько дней, но деньги за простой не должны были уходить с этого счета, верно? Только что ко мне снова приходили из отдела материально-технического обеспечения, статисты ждут расчета... Ах да, у нас же есть спутниковый телефон, быстро позвони инвестору, спроси, можно ли увеличить финансирование! Если добавят денег, я смогу снимать что угодно!

Хэ Цзиньчжао был мрачен, в его душе зародилось подозрение.

До того, как они приехали сюда, он и Лин Чэнь думали, что смерть каскадера Лао Ли была просто несчастным случаем, вызванным халатностью. Но теперь казалось, что это был не просто несчастный случай.

Когда Лин Чэнь проснулся, было уже за семь утра.

Сяо Чайчай-вань в какой-то момент перелез из своего гнезда под одеяло, устроился у него на шее, закинув две задние лапки на его плечи, а передними прижимая его щеку, и спал, раскинув лапы во все стороны.

Возможно, вчера вечером было слишком холодно, поэтому он забрался к человеку, чтобы согреться. Однако его поведение напугало Лин Чэня: он чуть было не решил, что придавил его и убил!

- Сяо Лин, доброе утро, - Хэ Цзиньчжао подлетел к нему и обратился к Сяо Чайчай-ваню в его объятиях: - Маленькая крыса, тебе тоже доброе утро.

Сяо Чайчай-вань:

- Пи-пи-пи!

Я кудрявый хомячок, а не вонючая крыса!

Всю ночь шел снег, засыпав истоптанную вчера в грязь землю, превратив ее в новое, белоснежное полотно.

Лин Чэнь умылся и надел фиксирующую повязку на левую руку. Он собирался пойти в столовую на завтрак, но, как только открыл дверь, заметил у порога термоконтейнер с едой.

Лин Чэнь был озадачен:

- Это для меня?

- Очевидно, да, - Хэ Цзиньчао поднял бровь. - Только что Го-цзы подошел, незаметно поставил контейнер и убежал, даже не поздоровавшись с тобой. Наверное, не осмелился посмотреть тебе в глаза.

Лин Чэнь посчитал это крайне забавным.

- Вчера я просто сказал пару слов режиссеру, а это так всех напугало.

Завтрак принесли прямо к нему, и Лин Чэнь был рад побыть в покое. Сидя в комнате, он завтракал и разговаривал с Хэ Цзиньчао о том, что тот подслушал прошлой ночью.

- Эта съемочная группа прогнила до мозга костей, - Хэ Цзиньчао выглядел серьезно. - Я и раньше слышал, что во многих съемочных группах бывает играют в азартные игры. Обычно играют рядовые сотрудники, потому что условия на съемках крайне замкнутые, и если не дать этим людям выпустить пар, они могут натворить еще худших дел. Но судя по тому, что я вчера слышал, вполне возможно, что режиссер, продюсер, оператор... Все они играют в азартные игры.

Если мысли всех заняты картами, как днем они могут сосредоточиться на работе? Работа каскадера самая опасная на съемочной площадке. Перед каждым выходом с тросом несколько человек по очереди проводят проверку, но в тот раз, когда с Лао Ли произошел несчастный случай, все накануне допоздна играли в карты, и у каждого мысли блуждали где-то далеко, что в итоге привело к несчастному случаю.

Если спросить, кто виновник, то все они. Но этих виновников не осудят, они продолжают беззаботно проводить время за карточным столом.

- Как только дорога откроется, нужно уезжать как можно скорее.

У Лин Чэня совсем не было аппетита, он закинул в себя пару ложек риса, взял чемоданчик с материалами и поспешно вышел из комнаты.

По дороге он встретил других сотрудников съемочной группы, которые собирались по двое-трое, держа в руках «летающие страницы» и обсуждая эпизод, который предстояло снимать сегодня.

Так называемые «летающие страницы» - это, по сути, сценарий. Перед началом съемок сценарий окончательно дорабатывается, переплетается и раздается каждому сотруднику, но это в идеале. Часто съемочная группа корректирует сценарий по ходу съемок, учитывая ситуацию на месте. Поэтому сценарист, работающий в съемочной группе, за ночь до съемок пишет новый вариант сюжета, а на следующее утро его распечатывают. Такие отдельные листы и называются «летающими страницами».

Когда члены съемочной группы увидели приближающегося Лин Чэня, их лица перекосило, как будто у них был запор, и быстро разошлись. Словно боясь, что если они хоть немного замешкаются, то заразятся от Лин Чэня скверной.

На Лин Чэня не в первый раз смотрели подобным образом. Он оставался невозмутим и под пристальными взглядами спокойно направился к дому за пределами деревни.

Вчера он уже вправил Лао Ли сломанные руки и очистил раны на груди, а сегодня ему предстояло самое сложное - восстановить форму разбитой головы.

Вчера он попросил у других гримеров лишний парик. К счастью, это были съемки исторического фильма, и у них был запас длинных париков хорошего качества - их можно было подстричь и затем использовать.

Из-за падения с высоты раны на голове Лао Ли были ужасающими: кроме крови, вытекла также желтовато-белая мозговая жидкость. К счастью, температура была достаточно низкой, и тело еще не начало разлагаться. Лин Чэнь, зажав вату пинцетом, понемногу очищал раны. Наблюдавший за этим Хэ Цзиньчжао несколько раз не смог сдержать рвотных позывов, а Лин Чэнь даже бровью не повел.

- Сяо Лин, ты... Ты просто великий, - пробормотал Хэ Цзиньчжао.

Как ни крути, только слово «великий» могло охарактеризовать работу Лин Чэня.

- Не стоит говорить о величии, - спокойно ответил Лин Чэнь. - Я просто хочу оставить ему хоть каплю достоинства.

Чем спокойнее он говорил, тем больше Хэ Цзиньчжао им восхищался. Не каждый может без тени брезгливости смотреть на труп, да еще и с такими серьезными повреждениями.

Чтобы умерший ушел с достоинством, Лин Чэнь кропотливо восстанавливал его прижизненный облик. Он был так молод, но уже привык к смерти и прощанию с душами, уходящими из этого мира.

Если бы кто-то не украл жизнь Хэ Цзиньчжао, он бы никогда в жизни не встретил Лин Чэня.

Иногда Хэ Цзиньчжао в душе тихо радовался, что умер, благодаря чему смог встретить такого необыкновенного человека.

Лин Чэнь был занят восстановлением тела Лао Ли и не выходил на улицу, работая до захода солнца.

- Наконец-то можно отдохнуть! - Лин Чэнь, прижимая руки к поясу, поворачивался то влево, то вправо - все его тело страшно ломило.

Во время восстановления тела и нанесения грима ему приходилось подолгу стоять согнувшись, и после целого дня работы у него болела шея, а мышцы затекли.

Хэ Цзиньчжао заставил Сяо Чайчай-ваня прыгать, как мячик, по плечам и пояснице Лин Чэня.

Лин Чэнь был в недоумении:

- Что ты делаешь?

- Массаж, - ответил Хэ Цзиньчжао, продолжая командовать хомяком. - Смотри, он идеального размера, с нужной температурой, да еще и пушистый - как раз подходит для роли массажера, чтобы помочь тебе расслабиться.

-

Действительно довольно приятно.

Под властью злого духа Сяо Чайчай-вань был вынужден делать Лин Чэню «крысиный массаж», Лин Чэнь получал удовольствие, а бедный хомяк пицал, страдая от издевательств.

Лин Чэнь разжалобился:

- Ладно, ладно, хватит уже.

- Уже достаточно? - Мягко спросил Хэ Цзиньчжао. - Это всего лишь вторая скорость, я могу заставить его прыгать еще быстрее и топтать еще сильнее.

Сяо Чайчай-вань:

- Пи-пи-пи-пи-пи-пи.

Хэ Цзиньчжао:

- Посмотри, как он рад, его маленькие черные глазки стали большими черными глазками.

Лин Чэнь:

- ? Подожди, как по его морде ты определил, что он рад?

Как раз когда человек и призрак окружили хомяка, изучая выражение его морды, внезапно за дверью раздался стук.

Тук-тук-тук.

- Учитель Лин, вы закончили?

- Это Го-цзы, не могли бы вы открыть дверь?

Лин Чэнь:

-

Хэ Цзиньчжао:

-

Они переглянулись. Хэ Цзиньчжао пошевелил пальцем, убирая контроль над хомяком, и Сяо Чайчай-вань тут же как молния залез в нагрудный карман Лин Чэня.

Хэ Цзиньчжао еще раз оглядел комнату, убедившись, что ничего их не выдаст, и только тогда кивнул Лин Чэню.

Лин Чэнь громко сказал:

- Минуту.

Говоря это, он направился к входной двери.

Лин Чэнь приоткрыл дверь, и с улицы ворвался холодный ветер, смешанный со снегом. Го-цзы был укутан в толстую зеленую куртку, в руках держал контейнер, и льстиво улыбался Лин

Чэню.

- Учитель Лин, почему вы не пошли в столовую на обед? - С притворной заботой спросил Го-цзы.

Лин Чэнь приподнял бровь:

- Зачем мне идти в столовую? Вы все меня избегаете, так что я не буду навязываться.

К тому же он не доел булочки с завтрака, поэтому в обед лишь наскоро перекусил и собирался пойти в столовую вечером, чтобы как следует поужинать.

Однако... Он взглянул на контейнер в руках Го-цзы и понял, что съемочная группа вообще не собиралась пускать его в столовую.

Го-цзы хотел войти, но Лин Чэнь не пустил его, язвительно спросив:

- Что, хочешь зайти и увидеться со своим бывшим коллегой?

Го-цзы вздрогнул, словно только сейчас вспомнив, чем Лин Чэнь занимается в этом доме на отшибе.

- Тогда... Тогда я не буду мешать, - сказал Го-цзы, чувствуя себя виноватым. - Эта еда только что приготовлена, она еще горячая, так что ешьте, пока не остыла. Когда закончите, просто оставьте контейнер у двери, я попозже заберу.

Лин Чэнь кивнул.

Он знал, что Го-цзы был всего лишь помощником режиссера, и не имел реальной власти в съемочной группе, он мог только выполнять указания вышестоящих. Его гнев был направлен не на Го-цзы, а на эту атмосферу, царившую в съемочной группе.

Проводив Го-цзы, Лин Чэнь взял контейнер с едой и вернулся в комнату. В комнате не было лишних столов, единственный стол - тот, на котором он гримировал Лао Ли.

Хэ Цзиньчао перенес тело Лао Ли обратно в холодильник, дезинфицирующими салфетками тщательно вытер стол, постелил несколько слоев пленки, и только после этого позволил Лин Чэню поставить на него контейнер.

Лин Чэнь уже достиг такого уровня, что даже не то, что есть за столом, на котором лежало тело, если бы ему пришлось есть, сидя рядом с телом, он бы с этим справился без проблем.

Ужин, принесенный Го-цзы, был очень обильным: несколько мясных блюд были плотно утрамбованы в контейнере. Лин Чэнь в одиночку точно не смог бы съесть все это, и даже если бы он ел вместе с Хэ Цзиньчжао, еды хватило бы с лихвой.

Повар съемочной группы был мастером своего дела: как только Лин Чэнь открыл контейнер, аппетитный запах мяса наполнил комнату. Хомяк тут же высунул голову из нагрудного кармана Лин Чэня, его нежно-розовый носик дрогнул, и он начал непрерывно вдыхать аромат.

- Пи-пи!

Лин Чэнь воткнул палочки вертикально в рис и спросил Хэ Цзиньчжао:

- Хочешь попробовать?

- Пи-пи!

Хэ Цзиньчжао без интереса приподнял бровь:

- Еда на съемках всегда одинаковая, она мне давно надоела.

- Пи-пи-пи!

Лин Чэнь с любопытством спросил:

- Ты тоже ешь еду для съемочной группы? Я думал, что такая суперзвезда, как ты, питается отдельно.

- Пи-пи-пи-пи-пи! - Хомяк нервно кружился на месте. Он больше не мог терпеть: выпрыгнул из кармана Лин Чэня, промчался по его руке и в мгновение ока оказался у его ладони, бегая вокруг еды и громко пища. - Пи-пи-пи-пи-пи-пи!

- Малыш, ты такой нетерпеливый? - Хэ Цзиньчжао ткнул его в голову. - Не торопись, как только Сяо Лин поест, покормим и тебя.

Когда Го-цзы вернулся на съемочную площадку с пустым контейнером, десяток коллег как раз собрались на совещание. Они сидели в кругу, изучая «летающие страницы» и обсуждая, что снимать дальше.

- Почему вдруг добавили такую сцену? В сценарии ее не было!

- Говорят, вчера вечером режиссер позвал сценариста, оператора и еще нескольких важных персон в свою комнату, и они совещались до самого утра, долго все обсуждали.

- Такая опасная сцена, учитель Е согласился?

- Ничего не поделаешь, из-за инцидента с Лао Ли всю сцену пришлось вырезать, никто не рискнет снимать ее заново. Эта новая сцена тоже опасна, но все внимание сосредоточено на главном герое, это момент славы для него!

- На этот раз дублер не нужен?

- Нет, учитель Е сказал, что ради эффекта он будет сниматься сам.

- Эх, пиротехники сейчас наверняка испытывают огромное давление. Если огонь пойдет не так, как надо, и ущерб будет нанесен хотя бы одному волоску учителя Е, агентство с них шкуру спустит.

- Глава пиротехнической группы уже ушел готовить взрывчатку и бензин, постараемся снять все с первого дубля!

На лицах сотрудников смешались волнение, восторг и напряжение. Услышав их разговор, Го-цзы почувствовал, как у него заколотилось сердце.

Сегодня утром, когда большинство сотрудников еще спали, им раздали новые «летающие страницы».

В первоначальном сценарии главный герой, вооруженный одним мечом, пробивал себе путь сквозь деревню, залитую кровью, и в конце концов исчезал в одиночестве в бескрайней метели, но в новом сценарии, убив всех жителей деревни, он не уходит, а решает разжечь костер и сжечь эту деревню, где свирепствовало зло!

Сценарий был достаточно захватывающим, но коллеги из реквизитной и художественной групп чуть не сломали себе голову.

Ради этого фильма они построили эту маленькую деревню посреди пустоши, и сейчас, когда съемки еще не закончены, конечно же нельзя сжигать деревню по-настоящему, иначе как им снимать последующие сцены?!

Они обошли деревню несколько раз и в конце концов выбрали один дом на окраине. Во время съемки камера будет вращаться вокруг этой хижины, а с помощью спецэффектов на этапе постпродакшна можно будет создать визуальную иллюзию, будто горит вся деревня.

Эта сцена должна сниматься после наступления темноты, чтобы эффект был максимальным. Сейчас операторы и осветители настраивали оборудование, и как только наступит подходящий момент, сразу же начнутся съемки.

Го-цзы - помощник режиссера. Хотя должность звучит престижно, на самом деле он ничем не отличается от разнорабочего в съемочной группе. Посмотрите, сейчас все остальные коллеги заняты этой ключевой сценой, а его режиссер отправил принести обед Лин Чэню.

Подумав об этом, Го-цзы с досадой вздохнул - когда же он наконец-то сможет поработать с камерой?

Снег уже прекратился, но ветер не утихал. По дороге обратно Го-цзы чувствовал, будто ветер несколько раз ударил его по лицу, так что он чуть не забыл, как его зовут.

На пустыре перед деревней стояла большая палатка - это было временное место отдыха съемочной группы. Длинные провода тянулись внутрь, соединяясь с несколькими мониторами.

Го-цзы приоткрыл полог палатки и вошел, надеясь поскорее согреться, но, едва переступив порог, чуть не задохнулся от табачного дыма.

- Кто? Кто курит? В палатке курить запрещено, знаете же..., - Го-цзы не успел договорить последние слова, как испуганно проглотил их обратно.

Ведь курившим в палатке был никто иной, как сам режиссер!

Здесь были не только режиссер, но и оператор, осветитель, сценарист, исполнитель главной роли Е Чжэньи, руководитель группы каскадеров, исполнительный продюсер... Все крупные фигуры съемочной группы собрались здесь, у каждого в руке была сигарета, все курили.

Окурки густо торчали из одноразовых стаканчиков, а некоторые были просто брошены под ноги и раздавлены.

Го-цзы вздрогнул и поспешно склонился в знак извинения:

- П-простите, что побеспокоил вас...

Сказав это, он бросился обратно, намереваясь выйти из палатки.

- Го-цзы, - внезапно позвал режиссер. Возможно, из-за того, что он выкурил слишком много сигарет, его голос был очень хриплым. - Ты отнес еду тому гримеру?

Го-цзы сжал в руке контейнер:

- А, да, да.

- Он уже поел?

Го-цзы не понимал, почему режиссер интересуется такими мелочами, но все же честно ответил:

- Да, все съел.

Он и сам не ожидал, что у Лин Чэня такой хороший аппетит. Контейнер был тяжелым, но когда он только что забирал его, он был уже пуст.

Почему-то ему показалось, что он услышал смех режиссера.

- Хе-хе, главное, что съел.

Го-цзы показалось это странным. Он набрался смелости и поднял глаза, но в палатке было слишком много дыма, и даже прищурившись, он так и не смог разглядеть выражения лиц руководителей съемочной группы.

Хотя в палатке горел свет, ему казалось, что здесь очень темно, несколько человек, сидящих под светом, выглядели как черные горы, и только огоньки сигарет у их губ мерцали то ярче, то тусклее.

- Го-цзы, иди и сообщи всей съемочной группе..., - режиссер глубоко затянулся. Огонек на кончике сигареты ярко вспыхнул и погас. Сигарета догорела. - ... Через десять минут начинаем съемку.

Этот пожар, в конце концов, должен разгореться.

Одежда мечника была в беспорядке, меч за спиной уже зазубрился, а рукоять клинка была покрыта кровью. Он тащил за собой труп, с трудом пробираясь по заснеженной дороге, а кровавые следы на земле почти окрасили в красный цвет каждый клочок земли.

Камера следовала за шагами мечника, медленно продвигаясь вперед, пока не достигла конечной точки - это была поляна перед деревней, где стоял деревянный помост для жертвоприношений, а на ней лежали горы человеческих тел!

Мечник тихо фыркнул, бросил труп на помост, а затем повернулся и направился к чану с вином, стоявшему поблизости.

Ударом меча он снес печать на чане, одной рукой поднял его и вылил все вино вокруг деревянного помоста.

Он отступил на три шага, пристально посмотрел на помост, затем достал из-под одежды огниво, зажег его и бросил в сторону помоста. В следующую секунду взметнулось пламя, которое, танцуя на снегу, осветило почти все ночное небо!

Завыл холодный ветер, огонь разгорался.

Пламя обхватило останки, а затем перекинулось на стоящие позади жилые дома, перескакивая с крыши на крышу. Издалека казалось, что это место превратилось в море огня, которое становилось все сильнее и свирепее, словно чудовище, раскрывшее бездонную пасть, готовое поглотить все в этой снежной ночи!

- Хорошо, снято!

По команде режиссера ожидавшие рядом сотрудники немедленно бросились вперед с огнетушителями и быстро потушили пламя на крыше и деревянном помосте.

Актеры, игравшие трупы, тут же выпрыгнули из огня. Во время съемки оператор специально использовал прием визуальной иллюзии, поэтому пламя на самом деле не задевало их, но, находясь в центре огня, они не могли не испытывать страха.

Съемка этой сцены заняла очень много времени: пришлось долго настраивать камеру, освещение и очаги пламени. В общей сложности съемка длилась более двух часов. Группа людей собралась в палатке режиссера, чтобы посмотреть отснятый материал. Го-цзы напряженно следил за выражением лица режиссера. Наконец, тот серьезно кивнул и тихо произнес:

- Этот дубль принят.

- Принят! - Го-цзы тут же взял рацию и сообщил всем членам съемочной группы: - Можно заканчивать!

- Спасибо, режиссер!

- Режиссер, вы молодцы!

- Каскадеры хорошо потрудились!

- Спасибо операторам!

Ночные съемки - самое изнурительное занятие. Го-цзы даже не считал, сколько чашек крепкого чая он выпил за сегодня, и сейчас держался из последних сил. Он широко зевнул, прикидывая, сколько часов сможет поспать после завершения съемок, как в этот момент послышался топот, и в палатку вбежал перепуганный мужчина.

- Режиссер, продюсер, беда!! - Это был молодой сотрудник из отдела обеспечения. - Дом, он, он горит!!

Услышав это, Го-цзы тут же вскочил:

- Разве огонь на съемочной площадке не потушили?

- Не на съемочной площадке! - Сотрудник из отдела обеспечения чуть не плакал. - Это тот маленький домик за деревней! Только что был сильный ветер, не знаю, как это случилось, но огонь перекинулся туда! Мы были так увлечены съемками, что не заметили, как он загорелся. Только когда закончили снимать, мы обнаружили, что дом... Дом уже сгорел дотла!

Тот маленький домик за деревней... Тот маленький домик за деревней...

Сон как рукой сняло. Го-цзы оттолкнул сотрудника из отдела обеспечения, выбежал из палатки и помчался к окраине деревни.

Этот домик стоял на небольшом пологом склоне в пятидесяти метрах от деревни. Поскольку это было временное сооружение, оно было не очень прочным, стены были обмазаны смесью глины, песка и соломы. Сейчас дом почти полностью сгорел: стены рухнули, балки обрушились, на земле повсюду были черные следы, а в воздухе стоял запах жареного мяса.

Когда Го-цзы осознал, откуда тут запах жареного мяса, у него в желудке все перевернулось, голова закружилась.

Он с трудом продолжал идти вперед, но вдруг наступил на что-то твердое. Он посмотрел вниз и увидел, что под его ногой явно лежал человек!

Человек обгорел до неузнаваемости. Одной рукой он прикрывал лицо, а другая, зафиксированная повязкой, была прижата к груди. Он лежал на земле, скорчившись в болезненной позе.

Он узнал эту одежду, и он узнал эту повязку...

В следующую секунду, как только он разглядел тело, Го-цзы не выдержал и, спотыкаясь,

отбежал в сторону, согнулся и его вырвало! Еда, съеденная за ужином, смешалась с желудочным соком и выплеснулась на землю. Увидев остатки пищи, Го-цзы невольно вспомнил ужин, который он сам подал.

Как такое могло... Как такое могло...

Когда Го-цзы корчился от боли, сзади послышались шаги. Он с трудом поднял голову и увидел, что к нему подбежали режиссер, оператор, продюсер и даже главный актер.

Когда они посмотрели на пепелище, выражения на их лицах были странными: страх, облегчение, расслабленность - но ни следа беспокойства по поводу того, что на съемках погиб еще один человек.

Ночь была туманной, и Го-цзы вдруг понял, что не может разглядеть их, или, может быть, никогда их и не видел.

В лесу на холме за древней лунный свет играл тенями.

Среди бамбука стояла худая фигура, смотря на сгоревший дом.

Из кармана на его груди высунул голову хомяк и пискнул.

- Сяо Чайчай-вань, спасибо, что предупредил меня, - молодой человек погладил по голове хомяка и тихо пробормотал: - Я еще подумал, что они проявили доброту и прислали мне вкусную еду, а оказывается, это был прощальный ужин.

- Пи-пи-пи!

Быстрее поблагодари хомяка!

Рядом с молодым человеком парила полупрозрачная фигура. В лунном свете прекрасное лицо было суровым, в глазах был виден безумный кровавый оттенок.

Одна только мысль о том, что его возлюбленный едва не погиб в огне, заставляла алую пелену в его глазах сгущаться.

Он был духом.

Не стоит забывать, что злой дух может причинить вред.

<http://bllate.org/book/14930/1663938>